

А. А. ТАНКОВ

**Памяти В. О. Ключевского
(Из воспоминаний его слушателя)**

В настоящем месяце исполняется полгода со времени кончины профессора Московского университета В. О. Ключевского. Это обстоятельство побуждает меня как бывшего слушателя его первого курса в университете сказать несколько слов о тех интересных фактах, которые сопровождали вступление Ключевского в число доцентов историко-филологического факультета. Я думаю, что моя заметка окажется далеко нелишней для будущего биографа Василия Осиповича ввиду того, что хотя после смерти его в периодических изданиях появилось много статей о нашем замечательном историке, но добрая половина их дает очень мало фактов из его жизни и деятельности, ограничиваясь общими похвалами ему как ученому и профессору.

В 1879 году окончательно прекратил чтение лекций С. М. Соловьев, вскоре после этого заболевший тяжким недугом, который унес его в могилу. Для университета, нашего факультета и в особенности для нас, студентов, представлялся чрезвычайно важным вопрос: кто же займет место такого колосса исторической науки, каким был С. М., кто будет тот дерзновенный, который решится появиться на кафедре, с которой слышалось могучее слово великого знатока русской истории? Этот вопрос занимал внимание наших профессоров, волновал студенческие кружки, интересовавшиеся тем или другим его разрешением, проник в печать... Московские газеты поместили статьи некоторых из университетских профессоров, в которых указывалось на необходимость осмотрительности для историко-филологического факультета в деле замещения кафедры по русской истории. Статьи были псевдонимные, но наш кружок студентов знал, кто именно их авторы. Наконец, в одном из осенних номеров газеты «Голос»¹, издававшейся в Петербурге, появилась

большая, также псевдонимная статья, принадлежавшая, как мне хорошо было известно, перу любимого и уважаемого студентами профессора всеобщей литературы Н. И. Стороженка². В этой статье проводилась та мысль, что для нашего факультета является важнейшей необходимостью найти и пригласить выдающуюся ученую силу на покрытую славой Соловьева свободную кафедру. В статье было замечено, что и студенты ждут от своих руководителей того же.

Нечего и говорить, что появлявшиеся статьи читались и обсуждались заинтересованными студентами, несомненно, волнуя их в известном направлении. Московская интеллигенция и ее представители также, как говорится, за живое были задеты вопросом: быть или не быть на кафедре русской истории какой-либо знаменитости? Нужно здесь сказать, что в данный период времени в среде профессоров этой науки в провинциальных университетах крупных имен не было, а что касается Петербурга, то на переход оттуда в Москву видного ученого и думать было нечего.

Как бы то ни было дело, но с начала 1879–1880 академического года лекций вместо покойного С. М. не читал никто, и предполагали даже, что они не будут совсем читаемы. Среди университетских слушателей особенно имела значение та мысль, что вполне достойным преемником Соловьева может быть только Н. И. Костомаров. Раздавались голоса о том, что если на кафедру вступит какая-либо посредственность, то ее никто и слушать и признавать за профессора не станет.

Итак, все были в ожидании. Вдруг пронесся слух о том, что доцентом по русской истории приглашается доцент Московской духовной академии В. О. Ключевский, личность которого как ученого и преподавателя была очень мало известна нам. Не знаю, как в профессорских сферах, а для нас слух о Ключевском был неожиданным и неутешительным сюрпризом. Кто и что он такое? Навели справки об его ученых трудах, оказалось, что их очень немного, да, кроме того, главнейший из них «Жития святых как исторический источник» носил историографический характер и как-то отзывался церковностью. Самое преподавание Ключевского в Духовной академии для университетских студентов второй половины бурных семидесятых годов было большим минусом. Кто знал из нас, а кто и не знал, что В. О. окончил курс университета, что он университетский магистр, а не академический. И вот в короткое время против него создалось предубеждение; волнение и беспокойство умов росло и делало почву тревожной. Некоторые горячие головы уже предлагали протестовать против приглашения

Ключевского и называли имена двух-трех выдающихся приват-доцентов, которые отказались от кафедры по русской истории, считая для себя затруднительным и неудобным стать преемниками творца «Истории России с древнейших времен»...

Я в то время был очень близок с профессором истории церкви А. М. Иванцовым-Платоновым³, так как мы были земляки, и нередко приходилось мне бывать у него запросто. Помню, как я был изумлен, когда на мои сомнения относительно Ключевского А. М. сказал мне следующее:

— Мне известны толки студентов, они долетают до В. О. Ключевского, он хочет отказаться от приглашения его в нашу среду. И знаете, как это будет прискорбно, как придется пожалеть об этом.

А. М. Иванцов-Платонов подробно мне рассказал о тех научных и лекторских данных, которыми всецело обладал В. О.

Впоследствии он ту же мысль развивал и перед знакомыми студентами. Против же предубеждения некоторых относительно преподавателей Духовной академии он приводил в пример профессора петербургского университета протоиерея Горчакова⁴, профессора канонического права в Московском университете Павлова⁵ и др. В высшей степени интересен тот факт, что А. М. провиденциально высказал мне, что Ключевский будет достойнейшим заместителем своего великого учителя, проявит замечательные качества лектора и сделается «импонирующим студентам» профессором.

Был назначен день первой лекции Ключевского. Для нее была отведена одна из самых больших аудиторий так называемого нового здания университета — «словесная вверху»^{*}). В среде студентов установилось то мнение, что надо выслушать первую лекцию приглашенного к нам доцента, а потом уже выразить свой взгляд на него. Если лекция окажется удовлетворяющей нашим ожиданиям, то отнестись к ней с одобрением, если же нет, то освистать дебютанта и протестовать против его приглашения.

А удовлетворить запросам студентов того времени было нелегко. В описываемое мною время в Московском университете было блестящее собрание чудных профессоров-лекторов, властителей студенческих не только дум, но и грез. Чупров, М. Ковалевский,

* Нужно сказать, что прежнее время аудитории в Московском университете не назывались по номерам, а имели каждая свое особое название, напр., «словесная внизу», «юридическая — третий этаж», «математическая большая», «гербарий» и т. под. В последней из названных нами аудитории никакого собрания засушенных растений не было, а слушали лекции студенты классического отделения филологического факультета.

Буслаев, Муромцев, Стороженко, Виноградов, Янжул, Шахов⁶, Миллер⁷, Герье, Иванцов-Платонов, Павлов и другие увлекали своих слушателей бесподобным чтением лекций и проводимыми в них научными и прогрессивными идеями. На историко-филологическом, а тем более юридическом факультете почти не было таких профессоров, которых неинтересно было бы слушать. Нечего и говорить, что В. О. Ключевский волей-неволей должен был выдержать сравнение с названными нами и другими светилами науки и профессорства. По настроению студентов видно было, что ему предстоит выдержать большой искуc.

Шумно было в назначенное для лекции Ключевского время в «словесной вверху» аудитории. Кого только здесь не было! И наши студенты, и профессора, и представители московской интеллигенции, и духовные лица, некоторые в магистерских крестах, и студенты Духовной академии, и один из ее профессоров.

Ни разу за все время моего пребывания в университете не было перед вступительной лекцией такого напряженного ожидания, такого прилива лихорадочного волнения. Ректор университета едва нашел себе место, а некоторые из профессоров стояли — такое множество слушателей собралось в аудитории.

Наконец торопливой походкой, слегка прихрамывая, вошел В. О. Ключевский, худой, согбенный, невзрачный, с потупленными взорами — прямая противоположность патриарху русской исторической науки С. М. Соловьеву, который всходил на кафедру, окидывая аудиторию орлиным взором, лицо которого сияло лучами вдохновения. Только что Ключевский сел в кресло, как прежде всего со стороны профессоров раздались рукоплескания, к которым присоединились и многие из студентов и посторонних лиц. Они не отличались оживленностью и громозвучностью, но, казалось, должны были ободрить Василия Осиповича. Я не спускал с него глаз, и что же увидел? Ключевский взял в руки стакан, наполнил его до краев водою из стоявшего на кафедре графина и сделал добрый глоток воды. Аплодисменты усилились, внимание к лектору возросло до последней степени напряжения. А Ключевский опять взялся за стакан и допил из него воду до дна. Я прямо-таки остолбенел при виде этого, но как раз в данное мгновение В. О. дал знак, что он станет говорить, и когда моментально все стихло, начал свою вдохновенную лекцию,

— Милостивые государи! — сказал он. — С величайшею радостью, вступив в эту аудиторию, услышал я ваши рукоплескания, который всецело отношу к светлой и незабвенной памяти нашего

великого и славного учителя С. М. Соловьева, здесь своим гениальным словом заставлявшего кипеть наш ум и трепетать наше сердце при изучении жгучего для всех нас предмета — родной истории. С каким непередаваемым чувством благодарности я и все мои товарищи с этих скамей провожали единодушными аплодисментами того исполина русской исторической науки, дух которого витает в нашей среде... К нему, к Сергею Михайловичу, пусть прежде всего несутся стремления нашей души...

В это мгновение аудитория огласилась громовыми раскатами аплодисментов и восторженными кликами, в которых ясно слышалось, что Ключевский побеждает свою аудиторию и по первому, так сказать, абцугу завоевывает ее симпатии.

Продолжая свою речь, В. О. искусно предложил вниманию своих слушателей самые интересные, самые задушевные воспоминания о Соловьеве, затем рельефно выразил ту мысль, что он будет верным хранителем его исторических заветов, что в полном и непоколебимом единении с нами он будет продолжать дело Соловьева. Мастерски была составлена и сказана нам речь В. О. Так как лекция должна была продолжаться полтора часа, то Ключевский, окончив свое «слово» в честь Соловьева, начал лекцию о преемниках Петра Великого, так как в предшествующем году С. М. закончил свой курс лекциями именно о Петре. Слушая лекцию, все студенты, настроенные против Ключевского, убедились в том, какую могучую профессорскую силу заключает в себе этот доцент Духовной академии, и что он может выдержать сравнение с лучшими нашими наставниками. Победа В. О. была полной и непререкаемой. Овации в честь этой победы продолжительны и бурны.

— Знаете, кто более всего рад успеху Ключевского, — воскликнул А. М. Иванцов-Платонов, когда я ему передал о коренном перевороте в настроении студентов. — Я рад! С трудом я убедил В. О. не отказываться из-за слухов, шедших из университета, от приглашения. И знаете, за кого я рад? За университет, приобретший выдающегося профессора. А что он не без терний, но прочно занял по праву принадлежащее ему место, я не огорчаюсь: тем больше ему чести и славы!

Вот каким образом покойному Ключевскому пришлось вступить в ряды университетских профессоров.

